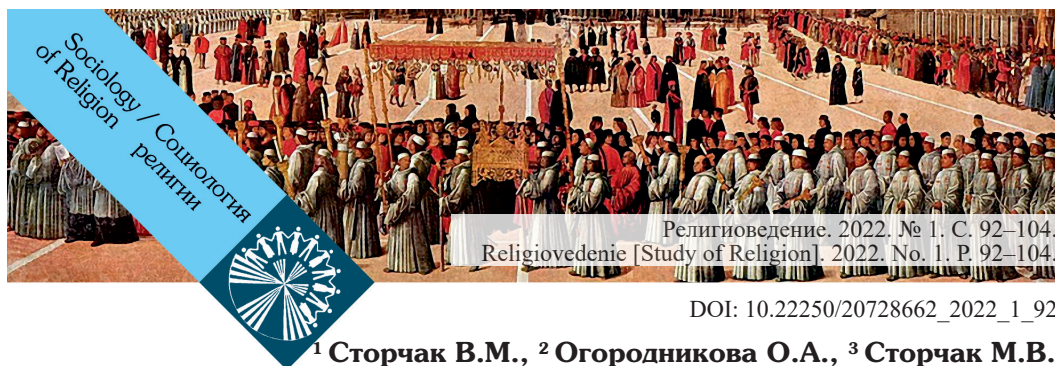

¹Сторчак В.М., ²Огородникова О.А., ³Сторчак М.В.

В.М. Сторчак

О.А. Огородникова

М.В. Сторчак

^{1,3} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); ² Московский городской педагогический университет ^{1,3} 119571, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 82; ² 129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, к. 1 ¹ v.storchak@yandex.ru; ² OgorodnikovaOA@mgpu.ru; ³ punart@gmail.ru

Пророческая традиция в культуре социального утопизма и квазирелигиозного революционного идеала построения «царства Божьего на земле»

Аннотация. Современные представления о религии затрагивают не только его «классические» формообразования (традиционные, нетрадиционные, новые религиозные движения и т.п.), но и, с лёгкой руки философа эпохи Просвещения Ж.Ж. Руссо, его светские квазиобразования – гражданскую религию. Исходя из этой логики, чисто религиозное когда-то содержание, к примеру, иудео-христианского мессианства, в процессе эволюции может получить секулярные аспекты своего существования и выступать в качестве гражданской религии. «В качестве секуляризированной «мессианской идеи» библейское представление о мессии получило дальнейшее развитие в постхристианской культуре, – справедливо замечает современный исследователь А.И. Кырлежев, – где оно стало означать особую историческую миссию, которая приписывается нации, классу или отдельной личности, призванием которых является приведение человечества к окончательной гармонии, подобной представлению о религиозном спасении» [Кырлежев, 2001, 537]. В итоге по своему содержанию и функциональной направленности такого рода социально-политические или национально-мифологизированные мессианские идеи носят псевдо- или квазирелигиозный характер, что требует поиска нетрадиционных подходов в решении проблем философии религии.

Ключевые слова: гражданская религия, светская квазирелигия, религиозные движения, культура, пророчество, социальный утопизм, социализм, коммунизм

¹ Vladimir M. Storchak, ² Olga A. Ogorodnikova, ³ Marina V. Storchak

^{1,3} Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); ² Moscow City University ^{1,3} 82 Vernadskogo prosp., Moscow, 119571, Russia; ⁴ Vtoroy Selskhozhojajstvenny proezd, Moscow, 129226, Russia; ¹ v.storchak@yandex.ru; ² OgorodnikovaOA@mgpu.ru; ³ punart@gmail.ru

Prophetic Tradition in the Culture of Social Utopianism and Quasi-Religious Revolutionary Ideal of Building the “Kingdom of God on Earth”

Abstract. Modern ideas about religion affect not only its “classical” forms (traditional, non-traditional, new religious movements, etc.), but also, with the light hand of the Enlightenment philosopher J.J. Rousseau, its secular quasi-form – civil religion. Based on this logic, once purely religious content, for example, Judeo-Christian messianism, in the process of evolution can receive secular aspects of its existence and act as a civil religion. “As a secularized ‘messianic idea’, the biblical concept of the messiah was further developed in post-Christian culture”, – a modern researcher A.I. Kyrlezhev noted, – “where it began to mean a special historical mission, which is attributed to a nation, class or individual, whose vocation is to bring humanity to final harmony, similar to the idea of religious salvation” [Kyrlezhev, 2001, 537]. As a result, in terms of their content and functional orientation, such socio-political or nationally mythologized messianic ideas are pseudo- or quasi-religious in nature, which requires a search for non-traditional approaches to solving problems of the philosophy of religion.

Key words: civil religion, secular quasi-religion, religious movements, culture, prophecy, social utopianism, socialism, communism

Введение

Представители русской философии рассматривали социализм и марксизм как особую форму секулярной религии – светской квазирелигии. Они писали о том, что его корни связаны не только с немецким идеализмом, английской классической экономией и французским социализмом XIX века, а с более глубокими корнями социальной утопической европейской мысли Нового времени: Томаззо Кампанелла, Томаса Мора, Гракха Бабефа и др., истоки которых заложены в религиозном мировоззрении» [См.: Бердяев, 1997, 505].

Они прослеживаются в идеях и чаяниях еврейской ветхозаветной апокалиптики, хилиазма раннего христианства, некоторых течениях эпохи Реформации и религиозных сект с ярко выраженными идеями эсхатологической направленности приближающегося «Царства Божьего на земле» и ожидания Мессии-Спасителя. По сути своей социализм и марксизм есть одна из разновидностей «религиозно-юдаистического» или «христианского социализма», решающего «конечные проблемы человеческой истории». «Социализм имеет очень старые, древние корни, – пишет Бердяев, – не только социальные, но и религиозные <...>. Социализм претендует быть не только социальной реформой, не только организацией хозяйственной жизни, но и новой религией, идущей на смену религии Христа. Ныне социализм вступает в мир с религиозным притязанием, он хотел бы быть всем во всём, он требует к себе отношения религиозного порядка» [Бердяев, 1990, 183].

Главное мотивационное содержание социализма-марксизма, как и в Библии, заключено в эсхатологическом ожидании «нового неба и новой земли». Разница состоит лишь в том, что библейский апокалипсис мыслится как «новое творение», как второй завершающий акт божественного сотворения мира. Социалистическое же видение «нового мира» мыслится как акт человеческого деяния и воли. Эта новая «религиозная идея» исходит из того, что мировое зло и страдание определены не таинственной силой первородного греха, а неправильным устройством этого мира: ответственность за земную неправду марксизм возлагает «... не на власть греха в мире, не на греховную человеческую волю, а на некие иные силы, повинные в неправильном и несправедливом устройстве мира <...>» [Франк, 1994, 131].

Библейские пророчества

Ветхозаветные пророчества о будущих социальных катаклизмах имеют достаточно обширную традицию. В своих выступлениях пророк обличает социальную несправедливость, которая происходит в Израиле: «Горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что другим не остаётся места, как будто вы одни поселены на земле... многочисленные дома эти будут пусты, большие и красивые – без жителей» (Ис. 5:8–9).

Иудейские правители отличаются алчностью. Они не заботятся о вдовах и не защищают сирот, за что и подвергаются яростным обличениям ревнителя благочестия в Иерусалиме (Ис. 1:23). Пророк клеймит стремление к роскоши сребролюбцев и беспутство власть предержащих: «Горе тем, которые с раннего утра ищут сикеры и до позднего вечера разгорячают себя вином» (Ис. 5:11). Критике подвергаются и продажные судьи: «Горе тем <...> которые за подарки оправдывают виновного и правых лишают законного» (Ис. 5, 23).

Пророческие слова, идущие от бога Яхве, разоблачают грехи старейшин и князей. Он требует призвать их и беспутных дочерей Израиля, которые предаются неге и роскоши, к ответственности: «И будет вместо благоговения зловоние, и вместо пояса будет верёвка, и вместо завитых волос – плешь, и вместо широкой епанчи – узкое вретисще, вместо красоты – клеймо» (Ис. 3:32).

Ионе Господь повелевает «глаголом жечь сердца людей». Он становится рупором Яхве в социальном обличении несправедливости в Израиле: «Встань, иди в Ниневию, город великий, и проповедай в нем, ибо злодеяния его дошли до Меня» (Иона 1:2).

Библейская история представляет всю историю человечества в строго линейном движении. Она включает в себя три периода [Канонические Евангелия, 1993, 271]¹:

– новозаветный период – от рождения Мессии до его Второго Пришествия и последующего Армагедона;

Два первых библейских сюжета активно сопровождаются пророческими предсказаниями будущего – пророками ветхозаветного, самим Христом и апостолами новозаветного периодов.

– ветхозаветный период – от происхождения человека и грехопадения («эксплуатации человека человеком») до пророчеств о рождении Спасителя;

– от Великого Октября до построения «царства Божьего на земле» (мирового коммунистического общества).

Марксистско-ленинское «Слово» также имело свою, «ветхозаветную» традицию. Такого рода историческая преемственность активно использовалась не только в официальной советской пропаганде, но и в высказываниях многих советских деятелей культуры: «На заре научного социализма фантастические учения об идеальном и справедливом государственном устройстве не отрывали людей от реальной действительности, а пробуждали в них благороднейшие мысли и жажду борьбы за торжество справедливости. Без этого порыва человечество не пришло бы к осознанной необходимости изменить мир. Предчувствия и мечты своих предшественников, как Томас Мор, Кампанелла, Сен-Симон, Фурье и Роберт Оуэн, Маркс и Энгельс гениально превратили в науку построения социалистического общества. И у нас в России светлая мечта передовых людей предшествовала революционной борьбе широчайших масс с господством капитализма. <...> В наступающую эру гигантского и невиданного практического осуществления заветных чаяний человечества вождь трудящихся мира [В.И. Ленин. – В.С.] всегда помнил о полёте мечты. Классики марксизма, предначертав победный путь к коммунизму, обосновывая законы общественного развития, всегда говорили о том, что коммунизм знаменует высшую культуру человечества» [Коненков, 1985, 5–6].

Автора «Утопии», Томас Мора (1478–1535), причисляют к «антропологическим оптимистам» [См.: Штекли, 1993, 19]. Он полагал, что достаточно создать идеальный общественный строй, чтобы появился идеальный человек. Другими словами, если создать справедливое общественное устройство, то у людей возобладает доброе начало. Оно и обеспечит нерушимость государства. «Антропологические пессимисты», наоборот, утверждали, что человек зол по своей природе и в самых идеальных условиях будет проявлять себя соответствующим образом и приведёт даже наилучшее государство к развалу. К такому рода «пессимистам», к примеру, принадлежат протестанты кальвинистского толка.

Томас Мор считал, что для граждан его идеального государства физический труд есть «телесное рабство». Раз в представлении утопийцев существуют «рабские занятия», то должны быть и рабы, занятые ими. Такого рода рабами, согласно «гуманисту», должны быть «чернорабочие» из других стран, осуждённые там на смертную казнь. Граждане «Утопии» видят счастье в том, чтобы, сократив по возможности часы «телесного рабства» – физической работы, необходимой для удовлетворения разумно ограниченных материальных потребностей, увеличить своё время «духовной свободы», самосовершенствования, религиозных медитаций, умственных занятий, высших наслаждений.

В его представлениях о христианском равенстве и общности имущества можно различить три религиозно-мировоззренческих традиции:

- церковная доктрина, опирающаяся на труды Фомы Аквинского. Её суть заключается в следующем: до момента грехопадения в мире существовал принцип «общности всех вещей». Акт грехопадения породил своекорыстие человеческого существа, что означало конец принципу «первоначальной общности». Институт «частной собственности», таким образом, необходим как средоточие наименьшего зла. Логика Фомы Аквинского для оправдания института «частной собственности» сводится здесь к следующему – греховный человек более прилежен, когда работает на себя, нежели на коллектив;

- труды средневековых гуманистов – Джона Колета (1467–1519) и Эразма Роттердамского (1469–1536). С их точки зрения, в результате грехопадения общность имущества как основа человеческого общежития стала невозможна;

- представители «христианского коммунизма» – Джон Болл (1338–1381) и Томас Мюнцер (1490–1525). Их взгляды покоились на убеждении, что принцип «все люди равны» может быть осуществлён здесь, на этой грешной земле. Они выступали за принцип «христианского равенства», требовавшего общности имущества и отмены всяческих социальных привилегий.

Суть лоллардистских проповедей Джона Болла сводилась к тому, что первоначально все были равны и были «братьями и сёстрами», поскольку происходили от одних родителей – от Адама и Евы. Если бы Всевышнему изначально захотелось бы сделать мир справедливым, то он сразу бы определил, кому кем быть: рабом или господином. Однако бог этого не сделал. Но по мере отдалённости родства появляется угнетение человека человеком, сильный стал эксплуатировать слабого. Мир разделился на бедных и богатых, господ и рабов. А поэтому корень существующего сегодня в мире социального зла заложен в несправедливом угнетении богатыми и господами своих же ближних, братьев во Христе, что является нарушением божественной воли. В мире тогда наступит «царство Божье на земле», когда имущество станет общим. И когда все окажутся в одинаковом социальном положении, тогда все люди станут равными и на земле воцарится «коммунистический рай».

Томас Мюнцер также мечтал о времени, когда на земле не будет ни господ, ни рабов; когда в мире исчезнет эксплуатация человека человеком и все станет общим. По его мнению, это прямо повторяет евангельские слова из «Деяний апостолов»: «разделяем всем, смотря по нужде каждого» (Де 2:44); «каждому давалось, в чем кто имел нужду» (Де 4:35).

Томмазо Кампанелла (1568–1639) в «Городе солнца» (1623) с позиций «утопического коммунизма» доказывал, что идеальное общество можно достигнуть в результате построения некой общности, которая будет управляема группой учёных-жрецов. Вновь созданная коммуна будет существовать не только по принципу

отрицания частной собственности, но и традиционного понимания института семьи. Функцию воспитания детей возьмёт на себя государство, в котором будет законодательно закреплён общеобязательный труд при 4-часовом рабочем дне. Большое внимание в «Городе солнца» Томмазо Кампанелла уделяет развитию просвещения и науки.

Графх Бабеф (1760–1797), один из руководителей движения «Во имя равенства» после Великой французской революции, был сторонником «утопического коммунизма». Равенство, которое имел в виду Бабеф, было равенством французских революционных санкюлотов, равенством бедности. Богатство, роскошь, искусства и науки должны были быть упразднены, а города разрушены. Равенство должно было быть достигнуто путём отрицания, посредством умерщвления всякой радости. Это был своего рода «аскетический» или «монастырский коммунизм», но без загробной жизни. Лишь естественные потребности признавались как действительные, но только из нужды.

Пророки Парижской коммуны

Идеалы построения нового, «гармоничного» общества, основанного на социальных лозунгах «свободы, равенства и братства» Великой французской революции 1789 г. и социалистического утопизма К. Сен-Симона и Ш. Фурье, лежали в основе творчества поэтов Парижской коммуны. Необходимо отметить, многие из них в начале своего творчества стояли, как и основатель социализма К. Сен-Симон («Новое христианство» (1825)), на религиозных позициях.

Вместе с развитием социалистических идей в европейском общественном сознании второй половины XIX века всё большее место стали занимать и коммунистические идеи о грядущей эре «коммунистического рая». «Манифест коммунистической партии» (1848) К. Маркса и Ф. Энгельса стал программным документом научного коммунизма, руководством для европейских коммунистических партий и образования I Интернационала. «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма», — многозначительно звучал призыв эпитафия к Манифесту. Классики марксизма восторженно отзывались о Парижской коммуне, называя французский пролетариат, — «народом-избранником революции, а Париж — революционным Иерусалимом» [Цит. по: Данилин, 1966, 435].

Важное место в среде творческой элиты парижских коммунаров занимал Э. Потье, автор знаменитого «Интернационала». «Этот подлинный древний ватс, прорицатель, — писал о нем в 1887 году главный редактор газеты «Le Socialiste» Жюль Гед, — указующий человечеству путь через экспроприацию капиталистов к той обетованной и надёжной стране, в которой общая собственность и общее производство» [Там же, 392]. В стихотворении «Смерть земного шара» (1849) Потье развивал ряд важных положений фурьеризма. В нём он предрекал общество, которое будет давать полный простор развитию человеческих страстей, дарованного богом для счастья человека. В «Древней истории и старом вине» понятие бога приобретает у него характер высшего мерила ценности: желая возвеличить человека-труженика и человека-творца, Потье говорит о нем, как о богочеловеке — строителе нового «рая на земле».

Научно-техническая революция и связанный с ней подъем промышленного производства в XIX веке породил иллюзию будущего бесклассового общества, в котором не будет несправедливости и каких-либо социальных конфликтов. Песня «Новая эра» (1860) Потье полна апокалиптических настроений восхваления будущего технократического прогресса: «Труд, Справедливость, Любовь — царите, настала новая эра!» — восклицал поэт. Он призывал «исторгнуть мир из древнего хаоса» и отдать землю объединившимся труженикам. А в песне «Выставка» (1861) он воспеваеет человеческий творческий гений, который смог собрать все созданные им чудеса в своего рода храме, «освещённого лучами Искусства, Науки и Промышленности. <...> Небеса, жадный зритель, созерцают наш бесконечный труд, где гениальный человек, занимает место вице-Создателя».

Наука, Техника, Прогресс — вот три символа веры, которые, по мнению утопистов-социалистов середины XIX века, придадут христианскому идеалу «царства божьего» реальные черты своего воплощения на земле. «Ах, брат мой, если бы ты

мог увидеть, какой накопится поток любви! – восклицает Потье в песне «Утопист в 1800 году» (1868) – соединившиеся народы овладеют, наконец, землёю, как местом всемирного наслаждения!» [Там же, 318–322].

Франко-прусская война (1870–1871) и последующая первая пролетарская революция – Парижская коммуна (1871) – лишь только чисто внешне «очистили» Э. Потье от христианских иллюзий и поставили его в разряд пролетарских поэтов, поставивших классовую борьбу в основе построения нового мира, поскольку:

Никто не даст нам избавленья:

Ни бог, ни царь и не герой.

Добьёмся мы освобожденья

Своею собственной рукой.

В «Интернационале»² звучит призыв к представителям «Всемирной армии труда» идти «в последний и решительный бой», чтобы свергнуть ненавистный буржуазный мир эксплуатации человека человеком, и чтобы в скором будущем «солнце стало сиять огнём своих лучей» для всей людей на «обновлённой» земле:

...Весь мир насилья мы разрушим

До основания, а затем

Мы наш, мы новый мир построим –

Кто был ничем, тот станет всем.

...С Интернационалом

Воспрянет род людской.

(Э. Потье. «Интернационал»)

Песня Потье «Роды» (1848) вся полна христианской символики, связанной с новозаветным сюжетом рождения Христа Спасителя. Рожаница, будущая мать, – это образ всего человечества в его народном обличье. Роды продолжительны и трудны, ибо рождается не просто ребёнок, а новое общество. Окружающие буржуа («люди денег», «живые пятифранковики») ждут его озабоченно и неприязненно: ведь с ним – конец «ажитажу, банкам, купле, продаже», а «золото обесценится»; они даже готовы тряхнуть кровать, чтобы устроить выкидыш. Поэт заявляет, что место у кровати принадлежит не им, а беднякам, «тому отребью, что заселяет бесчисленными толпами деревни и города»: они оттеснят врагов, заботливо примут младенца и накроют его колыбель красным знаменем революции [Там же, 307].

Поражение Парижской коммуны не остудило пыл поэтов-коммунаров. В песне, написанной Ж.-Б. Клеманом в июне 1871 года под свежими впечатлениями массовых уличных расстрелов в Париже, выражалась надежда на скорый революционный реванш:

...В тисках нищеты и неволи

Доколе народу страдать?

Бездарным воякам доколе

Нешадно его угнетать?

Монахам и сволочи прочей

Доколе дурманить народ?

Республики нашей, рабочей,

Когда же эпоха придёт?

(Ж.-Б. Клеман. «Кровавая неделя»)

...Но всё же день придёт,

Сведёт историк счёт!

Станцую коммунаров,

Держись смелей,

Держись смелей!

(Ж.-Б. Клеман. «Коммунарда»)

Подражая «Интернационалу» Э. Потье, Клеман призывает отречься от прежней веры в «бога, цезаря или трибуна». Он уповает не на христианского Мессию, а на пролетариат – революционного Мессию нового мира:

...Спасенье с небес не придёт,

Друзья, в эти дни роковые,

И нас не мессия спасёт, –
Спасём себя сами впервые.

(Ж.-Б. Клеман. «Долой кумиры!»)

Надежда на избавление от эксплуатации и построение нового мира оставалась не только у поэтов-коммунаров, находящихся на свободе или в эмиграции, но и у тех коммунаров, которые томились в заточении, в тюрьмах и ссылке на островах-колониях Франции. Луиза Мишель в брошюре с громким и многообещающим названием «Новая эра» так описывает своё представление о будущем новом мире:

...Уж близок день великой ломки,
Мы зрим победу пред собой,
И угнетённых голос громкий
Нам битвенной звучит трубой,
Заря глухую ночь сразила –
И мира нового стропила
Над скорбной встают землёй.

(Л. Мишель. «Воспоминания о Каледонии») [Цит. по: Данилин, 1966, 131].

Вместе с поэтами-коммунарами в будущую «новую зарю человечества» верили и маститые мастера поэтического жанра. Виктор Гюго уповал на «новую страницу Истории», которую перевернут «солдаты свободы»:

Ведь в кандалах Европа стонет,
Ведь в душах гнев бурлит опять,
Ведь скоро громом бог уронит:
«Оковам пасть – народам – встать!»
Раскрыта новая страница
Истории – и слышно мне,
Как бронзовая колесница
Гремит в зловещей вышине...
...Солдаты! Вас, в мечте бессонной,
Я шлю по славному пути,
Где вам передовой колонной
Все человечество вести.

(В. Гюго. «Возмездие») [Цит. по: Финкельштейн, 1968, 245–246].

Дореволюционные пророки в России

Российский социализм справедливо принято считать крайним направлением западной общественной-политической и философской мысли. Это признавали не только сторонники отечественной социал-демократии, критиковавшие народников за их «славянофильство», специфичность и самобытные качества «русского социализма», но и их противники³. Однако было бы большим упрощением считать революцию и мировоззрение российских марксистов лишь плодом идей, импортированных интеллигенцией с Запада и распространённых ею среди народных масс. «Поистине, – справедливо писал С.Л. Франк, – чтобы объяснить, как “народбогоносец” стал большевиком и вместо своих национальных святителей избрал своим духовным вождём Карла Маркса, недостаточно сослаться на появление среди него агитаторов, которые его «распропагандировали» и соблазнили» [Франк, 1994, 31–32]. В действительности, помимо схожих с Западом общественных процессов, российская история и культура имела свою специфику развития. Это существенным образом повлияло на формирование и особенности российского марксизма и связанной с ним революции.

Существенным образом на своеобразии русского марксизма повлияли *народнические и анархистские мировоззрения* [См.: Степун, 1999, 53]. Они привнесли в большевизм «славянофильские идеи» русского «революционного и социалистического мессианства», «особого пути России» и возможности «оригинальной революции» в ней. Как справедливо отмечал Бердяев, русская революция вынуждена была следовать на практике не по западным образцам. Именно поэтому коммунистическая революция в России оказалась не утопией, а реальностью [См.: Бердяев, 1997, 298–307; Степун, 1999, 164].

Пророческая революционная традиция русской литературы и общественно-политической мысли имеет давние, ещё дореволюционные корни. Она начинается с послания А.С. Пушкина к П.Я. Чаадаеву после неудачного восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 года и последующих репрессий по отношению к декабристам со стороны царского правительства:

Товарищ, верь: взойдёт она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!⁴

В 40–50-х гг. XIX века пророческую традицию апологетов декабризма продолжили революционеры-демократы. Русские революционеры пришли в этот мир с утопическим требованием «нового неба» и «новой земли»: «Но привычная вера в могущество идеала не допускала и подумать об огромной разнице земли и неба, о том, что необходимое для неба невозможно для земли. Об этом могли думать и помнить лишь христиане, сохранившие веру. Но те, которые покинули Бога, не могли даже представить, что в их душах живёт в данном случае нечто небесное, ибо они уже не признавали ничего небесного. <...> Так явились революция и социализм», – писал об этом квазирелигиозном феномене бывший революционер-народоволец Л.А. Тихомиров. И далее продолжал: «<...> Революция бросилась на осуществление идеала с такой же не рассуждающей верой, с которой магометанин говорит: “Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет Его пророк”» [Тихомиров, 1998, 528–529].

Тихомиров утверждал, что в самой идее социалистической революции присутствует атеистическое воплощение христианского религиозного идеала. Логика его размышлений сводилась к тому, что идеи социализма, как и христианства, укореняют в личности стремление к абсолютному, неземному, поскольку земной мир в сравнении с духом есть нечто низшее, тленное и преходящее. Поэтому земной мир обречён на уничтожение и забвение, что и произойдёт в момент сошествия христианского «Мессии» или пришествия социального «Спасителя» (у идеологов революции в России, в зависимости от их мировоззренческих взглядов, этот «Спаситель» мог выступать в лице «крестьянина-общинника», пролетариата или вождя). Новозаветный Армагеддон, по логике революционеров-демократов, есть в своём роде «социальная революция», которая сделает эту землю преобразённой и одухотворённой. Но акт нового создания совершится не эволюционным, а радикальным, революционным путём. Поэтому идея революции в её хилиастическом смысле, по мысли Тихомирова, подспудно присуща и христианскому мировоззрению.

Разночинцы связывали движущую силу и творческий смысл народничества не с просвещением, «а с напряжёнными утопическими исканиями, с потребностью удовлетворить религиозные запросы». Эти «запросы» могли быть осуществлены как при помощи реформированного христианства⁵, так и без церкви. «Секуляризм, – по мнению Зеньковского, – становится либо богоборчеством, либо богоискательством, – и даже те, кого принято называть “нигилистами”, если и ударяются в атеизм, то непременно буйствующий и страстный, переходящий в фанатическое сектантство». «Религиозная тема не только не теряет своей центральности в духовных исканиях русских мыслителей, но, наоборот, властно подчиняет себе русские умы» [Зеньковский, 1991, 126, 151]. Это было некое «новое Евангелие» без Христа, символом веры которого были такие понятия, как «Свобода», «Наука», «Прогресс», «Разум» и «Социализм», ставшие идеалом апокалиптического воплощения нового мира.

Эсхатологический детерминизм смены времён весьма красноречиво изображён в стихотворении В. Курочкина. Само название произведения – «Тик-так! Тик-так» (1863) – говорит о скорой смене исторических эпох:

Мы слышим в звуках всем понятных
Закон явлений мировых:
В природе нет шагов понятных,
Нет остановок никаких!
Мужайся, молодое племя!
В сияньи дня исчезнет мрак.

(В. Курочкин. «Тик-так! Тик-так»)

Вместе с русскими революционерами-демократами пророческий пафос о грядущих социальных переменах был поддержан революционно настроенной культурной элитой национальных окраин России. Т.Г. Шевченко предвещал в будущем времена, где люди будут жить «по христианским» принципам человеческого общежития:

Врага не станет, супостата,
И в каждом будешь видеть брата,
И люди будут на земле.

Вера в будущее торжество «Правды на земле» у Шевченко с годами укреплялась. И если в молодости ему была присуща какая-то вера в «золотой век», который когда-то был в прошлом, то позднее она сменилась твёрдой верой в «золотой век» в будущей России:

Взойдёт ли правда меж людьми?
Взойдёт! Не то огнём крылатым
Обуглит солнце мир треклятый!

С наступлением «Правды на земле» люди будут относиться друг к другу по-братски, при этом должен измениться и окружающий мир. Преображённая природа, по мнению Шевченко, будет соответствовать «ветхозаветному раю»:

Оживут озера, степи,
И не верстовые,
А широкие, как воля,
Дороги святые
Опояжут мир. Не сыщут
Тех дорог владыка;
Но рабы на тех дорогах
Без шума и крика
Братски встретятся друг с другом
В радости весёлой, —
И пустыней завладеют
Весёлые села» [Цит. по: Рыльский

Польский поэт А. Мицкевич, вдохновивший своим творчеством не одно поколение революционеров, видел будущее через эсхатологическое противоборство сил добра и сил зла:

Други, в бой! И строим согласным
Всю планету вокруг опояшим!
Пусть пылают в единстве нашем
Мысль и сердце пламенем ясным!

Само это будущее ассоциировалось у многих революционеров-демократов с приходом весны – временем года, когда старое, тёмное и отжившее уступает место новому, молодому и светлому:

Ломают льды весенние воды.
С ночью свет сражается тьмою.
Здравствуй, ранняя зорька свободы!
Солнце спасенья грядёт за тобою! [Там же, 122].

Древняя Палестина – вот то место, откуда на все народы мира начал изливаться благодатный свет спасения человечества. Для чеха Яна Неруды таким благодатным местом была Россия:

...О человечество, сон твой столетний,
Сон о расцвете, сон о свободе
Близок к свершенью: сумрак рассветный
Брежит с Востока – ночь на исходе.

(Я. Неруда. «Заря с Востока»)

Отвечая на вопрос: «Что пишет наш век на хоругви своей?» – революционер-народник П.Л. Лавров призывает низвергнуть кумиры минувшего, заменяя их верой в другие «сакральные» идеалы:

Я верую в разум! Не бес нас прельщает
Обманчивым знанием, греховной мечтой.
Я верую в чувство! Не Майя свивает
Пред нами покров обаятельный свой...
Я верю в развитие! Год за годами
Волна человечества вечно растёт.
В познании и в правде, умом и делами
Идут поколения вперёд и вперёд...
Я верую в вечность законов Природы
И в неизменность законов судьбы!..
Я верую в святость судьбы человека!
Я верю в единство и в братство людей!
Я верю в блаженство грядущего века!
Я верую в будущность царства идей! [Лавров, 1986, 50–51].

В последних строках явственно отражена приверженность Лаврова идеям утопического социализма, который понимается им как общество, где торжествует «царство идей», основанных на разуме. Через несколько лет в одной из своих статей он пишет о том, что разум – «это догмат нашего времени» [Цит. по: Лавров, 1989, 13]⁶.

Революция 1905–1907 гг. в России существенно повлияла на развитие хилиастических идей в обществе. Л.Н. Толстой, ассоциируя события 1905 года по аналогии со своим произведением «Воскресенье», писал известному публицисту В. Стасову: «Быть недовольным тем, что творится, всё равно, что быть недовольным осенью и зимою, не думая о той весне, которую они приближают». Тот же образ тогда возникал и в публицистической поэзии:

Мы – святая зарница грядущей весны,
Первый вал молодого прибоя,
Мы несём с собой свет и свободные сны
Для страдальца народа-героя» [См.: Многообразие стилей, 1978, 96–97].

Образ пробуждающегося белорусского народа проходит через десятки стихотворений Янки Купалы и воплощается в пьесах «Павлинка» (1912) и «Разорённое гнездо» (1913). Но особенно выразителен этот образ в стихотворении «Молодая Беларусь» – радостной, солнечной песне в честь пробуждения родной страны «для новой жизни, новой славы»: «В час великих боев и великих надежд зацвела она, расцвела долгожданная».

От межи до межи, от озёр до криниц
Обновленья напевы расходятся,
Радость-мать обнимает сердца без границ,
Что для нас лучший день нынче родится.

По-новому стучат топоры в лесу и косы звенят на заре; чувствуется сила в руках, слышится песня без слёз: «<...> грудь надеждою славной колыхнется, в книгах новый закон прочно перьями кос, навсегда людьми новыми пишется». Стихотворение заканчивается вдохновенным пророческим призывом:

Соколиная ввысь поднимайся, семья,
Над крестами отцов, над невзгодами,
Занимай Беларусь, молодая моя,
Красный угол в семье меж народами.
(Я. Купала. «Молодая Беларусь»)

Ожидание «нового солнца», которое озарит «страдающий мир», пророчески предвещают поэты-социалисты со всех концов революционно настроенной России:

Все-таки зарю мы ждём,
Мрак рассеется тяжёлый,
Солнца радостным лучом
Вспыхнут горы, вспыхнут доли.

Ждём зарю, ещё мы ждём!
Сердце мужеством согрето.

Вот уже шумит дождём
Буря, вестница рассвета.

(И. Евдошвили. «Песня»)

Предвестие «нового мира» в революционной поэзии начала XX века было связано, как и у их предшественников, с приходом весны, сметающую троны через очистительную бурю, грозу:

Начали грозно зарницы играть,
Гром посылает могучую рать.
Тьма подступает мрачней и мрачней...
Грянь же ты, буря, да грянь посильней»

(Я. Колас. «Будет гроза»)

Именно после очистительного воздействия будущей грозы и бури (апокалипсиса революции), наступит «золотой век» для человечества:

Дымом все пойдёт лихое,
Все, что давит нас и гнёт.
Верь, брат, время золотое,
В край родимый к нам придёт.

(Я. Колас. «Не горюй»)

Заключение

По мнению французского философа эпохи Просвещения XVIII века Ж.Ж. Руссо, в обществе для его нормального функционирования должны быть представлены определённые социальные скрепы, которые, вне зависимости от государственных идеологем, общественных идеалов или конфессиональных представлений, интегрируют, сплачивают нацию в единое целое. Эти «скрепы» или, по-другому, социальные институты, представлены в виде неких гражданских норм и взглядов, которые должны влиять на сознание и деятельность акторов социума, делая их взгляды и поступки ожидаемыми и привычными для всех членов общества. Другими словами, это есть некое гражданское исповедание веры, параграфы которого Ж.Ж. Руссо обозначил в понятии «гражданской религии»: «Догматы гражданской религии должны быть просты, немногочисленны, сформулированы точно, без объяснений и комментариев» [Руссо, 1996, 48]. Здесь, по мысли философа, определённые чисто светские гражданские элементы приобретают в какой-то степени «священный», т.е. квазирелигиозный характер.

В истории политической и общественной мысли к такому роду «жанру» гражданской религии относятся труды представителей социального утопизма Нового времени, социалистической мысли французских социалистов и пролетарской, марксистской идеологии Парижских коммунаров. Революционеры-демократы в России представлены народническим и социалистическим движением. Всех вместе их объединяет, с одной стороны, пророческий гражданский пафос и вера в скорое наступление светлого будущего для всего человечества. С другой стороны, иудео-христианская вера «Новой земли». Но, в отличие от библейских представлений «царства Божьего на небе», представители будущего социального благополучия предсказывали «царствие Божье на земле».

Библиографический список

1. Бердяев, Н.А. Философия Свободы. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – М.: ЗАО «Сварог и К», 1997. – 412 с.
2. Бердяев, Н.А. Русская идея. Судьба России / Н.А. Бердяев. – М.: ЗАО «Сварог и К», 1997. – 537 с.
3. Бердяев, Н.А. Философия неравенства / Н.А. Бердяев. – М.: ИМА-Пресс 1990. – 288 с.
4. В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией: Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков. – М.: Изд. корпорация «Логос», 1997. – 750 с.
5. Данилин, Ю.В. Поэты Парижской коммуны / Ю.В. Данилин. – М.: Издательство «Наука», 1966. – 477 с.
6. Зеньковский, В.В. История русской философии. В 2-х тт. / В.В. Зеньковский. – Л.: «ЭГО», 1991.

7. Лавров, П.Л. О религии / П.Л. Лавров; [Сост. А.И. Володин; Примеч. и указ. сост. Б.М. Шахматовым] – М.: Мысль, 1989. – 414 с.
8. Встань, человек! (Худож. и публицист. 6-ка атеиста) / Сост., подготовка текстов, вступ. ст., примеч. А.И. Володина, Б.М. Шахматова. – М.: Советская Россия, 1986. – 528 с.
9. Ипполит Римский, священномученик. «О Христе и антихристе» // Святые Отцы и учителя Церкви. Антология. Том 1. Церковная письменность доникейского периода (I – начало IV вв.). Под общей редакцией митрополита Волоколамского Илариона (Алфеева). – М.: Общecerковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Издательский дом «Познание», 2017. – 384 с.
10. Канонические Евангелия / Пер. с греч. В.Н. Кузнецовой. Под ред. С.В. Лузова и С.В. Тищенко. – М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 350 с.
11. Коненков, С.Т. Воспоминания. Статьи. Письма. В двух книгах. Книга 2. / С.Т. Коненков. – М.: «Изобр. искусство», 1985. – 192 с., ил.
12. Кырлежев, А.И. Мессия / А.И. Кырлежев // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М.: Наука, 2001.
13. Русская идея: В кругу писателей и мыслителей Русского Зарубежья: В двух томах. – М.: Искусство, 1994. – Т. 2. – 684 с.
14. Рылский, М.Ф. О поэзии (статьи) / М.Ф. Рылский. – М.: «Советский писатель», 1974. – 344 с.
15. Степун, Ф.А. Чаемая Россия / Ф.А. Степун. – СПб.: РХГИ, 1999. – 480 с.
16. Тихомиров, Л.А. Пути русского имперского сознания. Религиозно-философские основы истории. – М.: Москва, 1998. – 592 с.
17. Финкельштейн, Е.Л. Фредерик-Леметр (Серия «Жизнь в искусстве») / Е.Л. Финкельштейн. – Л.: Издательство «Искусство» Ленинградское отделение, 1968. – 255 с.
18. Франк, С.Л. Ересь утопизма / С.Л. Франк // Социс. – 1994. – № 1. – С. 126–134.
19. Штекли, А.Э. Утопии и социализм / А.Э. Штекли. – М.: Наука, 1993. – 272 с.

Текст поступил в редакцию 08.09.2021.

Принят к публикации 17.01.2022.

Опубликован 29.03.2022.

¹ По периодизации Г. Бэра (1926), три периода в истории спасения, согласно Евангелисту Луке, различаются способом действия Святого Духа:

– первый период (пророческий) – от ветхозаветных пророков до новозаветного Иоанна Крестителя;
– второй период (время Иисуса) – все деяния Святого Духа концентрируются на Иисусе Христе;
– третий период (время Церкви) – Святой Дух действует в общине и через общину.

² Три куплета «Интернационала» в переводе А.Я. Коца составили часть первого гимна молодого советского государства (РСФСР), существовавшего с 1918 по 1922 гг., а после образования Советского Союза – вошли в первый гимн СССР (1922–1944).

³ См. подробнее: Плеханов В.Г. Социализм и политическая борьба // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков. М., 1997. С. 347; Засулич В.И. Революционеры из буржуазной среды // Там же. С. 356–358; Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России // Там же. С. 376–377; Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем // Там же. С. 385–386; Горький М. Заметки о мещанстве // Там же. С. 393–394; Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Там же. С. 487–488; Он же: От какого наследства мы отказываемся // Там же. С. 489–490; Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1997. С. 327, 332–333; Булгаков С.Н. Избранные статьи. В 2 тт. М., 1993. Т. 2. С. 470–474.

⁴ Вера А.С. Пушкина в скорое наступление в России эры Свободы была реализована, с точки зрения постреволюционной поэзии, в советское время (1937): «“Товарищ, верь!” – И вот взмогла она, / Твоя заря пленительного счастья...» (Л. Первомайский. «Пушкин»).

⁵ Некоторая часть народников выступала под лозунгом социального христианства. К примеру, один из руководителей террористической организации «Народная воля» А.И. Желябов был очень близок к христианству. «Крещён в православии, но православие отрицаю, хотя сущность учения Иисуса Христа признаю, – выражал свою точку зрения Желябов на суде. – Эта сущность учения среди моих нравственных побуждений занимает почётное место. Я верю в истинность и справедливость этого вероучения и торжественно признаю, что вера без дел мертва есть и что всякий истинный христианин должен бороться за правду, за право угнетённых и слабых, и если нужно, то за них и пострадать: такова моя вера» [Цит. по: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 307].

⁶ Отдельную сноску сделать. «В 60-е годы атеизм и материализм были основными «догматами» у русских радикалов, – пишет Зеньковский, – и это была настоящая вера (в науку, в прогресс)» [Зеньковский В.В. Указ. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 148–149].

References

1. Berdyayev N.A. *Filosofiya neravenstva* [Philosophy of inequality]. Moscow: IMA-Press Publ., 1990, 288 p. (in Russian).
2. Berdyayev N.A. *Filosofiya Svobody. Istoki i smysl russkogo kommunizma* [Philosophy of Freedom. The origins and meaning of Russian communism]. Moscow: ZAO "Svarog i K", 1997, 412 p. (in Russian).
3. Berdyayev N.A. *Russkaya ideya. Sud'ba Rossii* [Russian idea. The fate of Russia]. Moscow: ZAO "Svarog i K", 1997, 537 p. (in Russian).
4. Danilin Yu.V. *Poety Parizhskoy kommuny* [Poets of the Paris Commune]. Moscow: "Nauka" Publ., 1966, 477 p. (in Russian).
5. Finkelstein E.L. *Frederik-Lemetr* (Seriya "Zhizn' v iskusstve") [Frederick-Lemaitre (Series "Life in Art")]. Leningrad: "Iskusstvo" Publ., 1968, 255 p. (in Russian).
6. Frank S.L. *Sotsis* [Socis]. 1994, no. 1, pp. 126–134 (in Russian).
7. Hippolytus of Rome. *Svyatyie Ottsy i uchiteli Tserkvi. Antologiya. Tom 1. Tserkovnaya pis'mennost' donikeyskogo perioda (I – nachalo IV vv.)* [Holy Fathers and Teachers of the Church. Anthology. Volume 1. Church writing of the pre-Nicene period (I – early IV centuries)]. Ed. Metropolitan Volokolamsky Ilarion (Alfeyev). Moscow: Obshchestserkovnaya aspirantura i doktorantura im. svyatykh ravnoapostol'nykh Kirilla i Mefodiya, Izdatel'skiy dom "Poznaniye", 2017, 384 p. (in Russian).
8. *Kanonicheskiye Evangeliiya* [Canonical Gospels]. Transl. V.N. Kuznetsova; ed. S.V. Luzov, S.V. Tishchenko. Moscow: Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura", 1993, 350 p. (in Russian).
9. Konenkov S.T. *Vospominaniya. Stat'i. Pis'ma. V dvukh knigakh* [Memoirs. Articles. Letters. In two books]. Moscow: "Izobr. Iskusstvo", 1985, bool 2, 192 p. (in Russian).
10. Kyrlezhev A.I. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: V 4 t.* [New Philosophical Encyclopedia: In 4 volumes]. Moscow: "Nauka" Publ., 2001 (in Russian).
11. Lavrov P.L. *O religii* [On religion]. Moscow: "Mysl'" Publ., 1989, 414 p. (in Russian).
12. *Russkaya ideya: V krugu pisateley i mysliteley Russkogo Zarubezh'ya* [Russian Idea: In the circle of writers and thinkers of the Russian Abroad]. Moscow: "Iskusstvo" Publ., 1994, vol. 2, 684 p. (in Russian).
13. Ryl'skiy M.F. *O poezii (stat'i)* [About poetry (articles)]. Moscow: "Sovetskiy pisatel'" Publ., 1974, 344 p. (in Russian).
14. Shtekli A.E. *Utopii i sotsializm* [Utopias and Socialism]. Moscow: "Nauka" Publ., 1993, 272 p. (in Russian).
15. Stepun F.A. *Chayemaya Rossiya* [The Awaited Russia]. St. Petersburg: RKHGI, 1999, 480 p. (in Russian).
16. Tikhomirov L.A. *Puti russkogo imperskogo soznaniya. Religiozno-filosofskie osnovy istorii* [The ways of the Russian imperial consciousness. Religious and philosophical foundations of history]. Moscow: "Moskva" Publ., 1998, 592 p. (in Russian).
17. *V poiskakh svojego puti: Rossiya mezhdue Evropoy i Aziyey: Khrestomatiya po istorii rossiyskoy obshchestvennoy mysli XIX i XX vekov* [In search of the way: Russia between Europe and Asia: A textbook on the history of Russian public thought of the 19th and 20th centuries]. Moscow: "Logos" Publ., 1997, 750 p. (in Russian).
18. *Vstan', chelovek! (Khudozh. i publitsist. b-ka ateista)* [Stand up, man! (Literary and publicist library of an atheist)]. Eds. A.I. Volodin, B.M. Shakhmatov. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1986, 528 p. (in Russian).
19. Zen'kovskiy V.V. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian philosophy]. In 2 vols. Leningrad: "EGO" Publ., 1991 (in Russian).

Submitted for publication: September 08, 2021.

Accepted for publication: January 17, 2022.

Published: March 29, 2022.